

ГРАМОТЕЙ

ЦИКЛ ИЗ ПЯТИ КНИГ · КНИГА ЧЕТВЁРТАЯ

ЗВЕРЬ

В лабиринте нет дороги. Есть только след.

РОМАН

АЛЕКСАНДР ЖАРКОВ

МОСКВА · 2026

Александр Жарков

Зверь

<https://litres.ru/74684959>

SelfPub; 2026

Аннотация

Урал. Шигирский идол, доска с глифами и лабиринт, в котором легко потерять не только дорогу. Вешняков находит человека, которого считали мёртвым одиннадцать лет, и узнаёт, что четвёртый ключ — не предмет, а отказ. От уральской шахты до подклета в Коломенском, от восковой маски до запертой двери: чтобы открыть её, нужно отпустить всё, что ты собрал. Четвёртый роман цикла «Грамотей».

Содержание

Пролог. Доска	4
1. Идол	12
2. Фонды	18
3. Корн	24
4. Мастерская	29
5. Сестра	37
6. Серый	44
7. Шесть кругов	48
8. Под корнями	54
9. Первый круг. Сорок три	62
10. Второй круг. Вода	70
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Александр Жарков

Зверь

«Зверь не тот, кто убивает. Зверь — тот, кто считает».

*Из «Книги чисел», список XVI века, собрание Братства
ключа*

Пролог. Доска

Шигирский торфяник, январь 1890 года.

Идол вытащили из торфа в четверг, и все, кто его видел, потом говорили, что он дышал.

Карл Иванович Корн не верил в чудеса. Он верил в дерево. Дерево было старше камня, старше церквей, старше самого слова «Россия», и оно пролежало в чёрной воде сорок веков, не сгнив.

Его вызвали из Екатеринбурга на третий день. В конторе прииска пахло мокрой шерстью и махоркой; управляющий, толстый человек в очках, сказал:

— Нашли в торфе. Рабочие боятся.

— Чего?

— Говорят, это бог.

Карл снял пальто и повесил его на гвоздь.

— Покажите.

Идол лежал в сарае, на соломе. Он был почти пяти метров длиной, чёрный, мокрый, и от него шёл запах — не гнили, а старого дерева, которое слишком долго помнило воду. Голова была вырезана в виде маски: широкие скулы, плоский нос, глаза-щели. По телу шли ряды насечек.

Шигирский идол. Январь 1890 года

Карл подошёл ближе. Он работал с деревом тридцать лет и знал: дерево не лжёт. Оно трескается там, где его согнули; темнеет там, где его трогали; молчит там, где его резали против воли.

Идол молчал.

— Сколько ему лет? — спросил управляющий.

— Не знаю. — Карл провёл ладонью по щеке маски. —

Больше, чем вашим церквям.

— Это языческий бог?

— Это счёт.

Управляющий посмотрел на него.

— Что?

Карл показал на насечки.

— Смотрите. Ряды. По четыре, по пять, по шесть. Это не узор. Это счёт.

Он достал лупу. На груди идола, под слоем торфа, была тонкая линия — не трещина, а шов. Карл нажал на него ногтем. Дерево подалось.

— Здесь открывается.

— Не трогайте, — сказал управляющий. — Приедет полиция.

— Полиция не умеет читать дерево.

Карл работал до вечера. Он снял верхнюю доску — она держалась на деревянных шипах, почерневших от времени, — и внутри открылась полость. Узкая, глубиной в две ладони. В полости лежала дощечка.

Она была размером с книгу, тёмная, гладкая, с сорока четырьмя насечками по краю. В центре — тамга: три зубца, средний длиннее.

Карл узнал тамгу. Он видел её раньше — на старом кирпиче в подвале уральской церкви, куда его звали чинить иконостас. Тогда он не понял, что это. Теперь понял: это не знак мастера. Это подпись.

Он перевернул дощечку. На обороте были вырезаны восемь строк. Мелко, ровно, с нажимом, как режут по дереву, когда торопятся и боятся, что не успеют.

Один считает — и закрывает дверь.

Тот, кто откажется, войдёт.

Камень молчит, но помнит имя.

А дерево помнит число.

Жди полудня, а не заката.

Иди один. Не бери счёт.

Сожги список.

Б — это не буква. Это молчание.

Карл читал медленно. Он плохо знал русские стихи; в его доме говорили по-немецки, и русский он выучил на службе, вместе с запахом лака и стружки. Но первые буквы он увидел сразу.

О, Т, К, А, Ж, И, С, Б.

— Откажись, — прошептал он.

За окном сарая шёл снег. Рабочие стояли у забора и смотрели на него; их лица были белыми от мороза.

Карл завернул дощечку в холст и положил за пазуху.

* * *

Женщина пришла на следующий день.

Она была в сером пальто, хотя мороз стоял такой, что птицы падали с веток. Волосы у неё были седые, стриженные коротко; лицо спокойное, без морщин, как у человека, кото-

рый никогда не шурится.

Она вошла в сарай без стука.

— Вы Карл Иванович?

— Я.

— Меня зовут Анна Матвеевна. — Она посмотрела на идола. — Я из музея.

Фамилию она не назвала.

— Музей в Екатеринбурге.

— Музей будет здесь. — Она обошла идола кругом. — Его перевезут. Это слишком ценная вещь, чтобы оставлять её в сарае.

Карл стоял у верстака и держал в руке стамеску.

— Вы приехали за ним?

— Я приехала за тем, что внутри.

Она сказала это просто, без нажима, и от этого стало страшнее.

— Внутри ничего нет, — сказал Карл.

Женщина посмотрела на него. Её глаза были светлые, почти бесцветные.

— Вы открыли полость?

— Открыл.

— И что там?

— Пусто. — Карл показал на снятую доску. — Только пыль и старый воск.

Женщина подошла к идолу. Она провела пальцем по краю полости; на пальце остался бурый след.

— Вы уверены?

— Я реставратор. Я знаю, как выглядит пустота.

Она молчала. В сарае было тихо; слышно было, как за стеной рабочие бьют лопатами мёрзлый торф.

— Карл Иванович, — сказала она наконец. — Вы немец.

— Русский немец.

— Это одно и то же. — Она чуть улыбнулась. — Немцы умеют считать. Это ваша сильная сторона.

— Я умею резать.

— Это слабая сторона. — Она надела перчатку. — Тот, кто режет, оставляет следы. Тот, кто считает, — нет.

Она пошла к выходу. У двери обернулась.

— Мы приедем за идолом в понедельник. К этому времени полость должна быть пустой. Понимаете?

— Понимаю.

— Хорошо. — Она посмотрела на него. — И ещё. Если вы найдёте доску — не читайте её вслух. Те, кто читает вслух, начинают считать.

Она вышла.

Карл стоял и слушал, как скрипит снег под её сапогами.

* * *

Ночью он пошёл на болото.

Он знал место: за прииском, у старой сосны, которую сломал ветер. Под корнями была яма, а в яме — ход. Рабочие говорили, что там когда-то прятались старообрядцы. Карл взял фонарь, верёвку и дощечку.

Мороз был такой, что фонарь грел руку. Он спустился в яму, держась за корни. Внизу пахло водой и железом.

Ход был узкий, но он шёл. Стены были сложены из камня — не природного, а тёсаного. Кто-то построил это давно, очень давно, и постарался, чтобы никто не нашёл.

Через сто шагов ход расширился. Карл поднял фонарь.

Перед ним был круглый зал. В центре стоял столб из чёрного дерева, а на столбе — маска. Не идол. Маска. Такая же, как у идола, но меньше, в натуральную величину. В её глазах были отверстия.

Карл посчитал отверстия. Сорок четыре.

Он достал дощечку и положил её в нишу под маской. Потом вынул из кармана гвоздь и прибил к нише холст. Получилось что-то вроде занавески.

Он хотел уйти. Но не ушёл.

Он стоял и смотрел на маску. Ему казалось, что она смотрит на него.

— Я не буду считать, — сказал он.

Маска молчала.

— Я не буду.

Он повернулся и пошёл к выходу.

За спиной было тихо. Потом — очень тихо — что-то щёлкнуло. Как будто в маске провернулась шестерёнка.

Карл не обернулся.

Он выбрался из ямы, завалил вход камнем и ветками и пошёл к прииску. Снег шёл сильнее; его следы заметало.

Утром он написал в тетради:

«Доска не в музее. Доска там, где дверь. Если я не вернусь — пусть её найдёт тот, кто откажется».

Он подумал и добавил:

«Она не умеет читать. Она умеет только считать. Это её слабость».

Он закрыл тетрадь.

Через сто тридцать шесть лет его правнучка вернётся на это болото. Но Карл Корн этого уже не узнает.

1. Идол

Москва, 1 июня 2026 года.

Посылка лежала в почтовом ящике — серый конверт без обратного адреса, без марки, с одной буквой на углу: «К».

Вешняков достал его и почувствовал, как холодный картон прилип к пальцам. В конверте был кусок дерева — тёмный, тяжёлый, с шестью насечками по краю. Шестая доска. Не вся — обломок, размером с ладонь.

И записка.

«Вы закрыли одну дверь. Их шесть. Я нашла вторую. Она на Урале, там, где стоит идол. Он ждёт вас. Не приезжайте. Л. К.»

Вешняков стоял в подъезде и смотрел на буквы. Почерк был ровный, круглый, как в прописи. Так пишут люди, которые считают каждую букву.

Он поднялся в квартиру, положил обломок на стол и позвонил Анне.

— Ты где?

— В больнице. — Её голос был хриплым. — Меня выпи-
сали утром. Я у мамы.

— Мне нужно в Екатеринбург.

Пауза.

— Когда?

— Сегодня.

— Что случилось?

— Лидия прислала доску.

Анна молчала так долго, что он услышал, как в трубке тикают часы на её кухне.

— Я с тобой, — сказала она.

— Тебе нельзя. Ты ещё не зажила.

— Я зажила.

— Анна.

— Даниил. — Она сказала это тихо, но твёрдо. — Если ты поедешь один, ты не вернёшься.

Он посмотрел на обломок. Шесть насечек. Шесть дверей.

— Хорошо, — сказал он. — Аэропорт в два.

* * *

Они летели ночным рейсом.

Самолёт был полупустой. Анна сидела у окна, положив руку на бок; под свитером была повязка. Вешняков смотрел на обломок доски, лежавший на коленях.

— Что это значит? — спросила Анна.

— Шестая доска. Та, которую забрали из музея.

— И Лидия вернула её тебе?

— Кусок.

— Зачем?

— Чтобы я приехал. — Он перевернул обломок. — Она знает: я не смогу не приехать.

Анна посмотрела в окно. Под крылом были облака, белые и плоские, как снег.

— А если это ловушка?

— Это ловушка.

— И ты всё равно едешь.

— Да.

Она вздохнула.

— Я тебя не переубежу.

— Нет.

— Тогда я хотя бы буду рядом. — Она закрыла глаза. —

Разбуди, когда будем садиться.

* * *

Екатеринбург встретил их солнцем.

Было начало июня; город был зелёный, тёплый, совсем не похожий на тот снежный апрель. На улицах цвели тополя; пух лежал на асфальте, как белая пыль.

Вешняков снял куртку и почувствовал, как под рубашкой вспотела спина.

— Странно, — сказал он.

— Что?

— В апреле здесь был минус.

— Мороз был не в городе, — сказала Анна. — Мороз был в нас.

Они взяли такси до музея.

Музей истории и археологии стоял на набережной, в старом каменном доме. Вход был ещё закрыт; у дверей курил охранник.

— Хранитель на месте? — спросил Вешняков.

— Сорокин? Внутри. — Охранник посмотрел на часы. — Но он вас не примет до десяти.

— Скажите, что пришли по делу Корна.

Охранник поднял бровь, но пошёл внутрь.

Через минуту дверь открылась.

Хранитель был молодым человеком в очках, с усталым лицом и слишком аккуратным галстуком.

— Вы по делу Корна? — спросил он.

— Да.

— Тогда проходите. — Он посторонился. — Я ждал кого-нибудь раньше. Лет на двадцать.

* * *

Зал был пуст.

Идол стоял под стеклом, в центре, и от него исходил запах — слабый, древесный, как от старого шкафа. Свет падал на его лицо, и казалось, что он смотрит.

Анна остановилась у витрины.

— Он больше, чем я помню.

— Ты его видела?

— На фотографиях. — Она прижала ладонь к стеклу. — В деле Максима.

Вешняков посмотрел на идола. Пять метров дерева, вырезанного в виде человека с лицом-маской. Ряды насечек. Корона с лицами поменьше.

— Двенадцать тысяч лет, — сказал Сорокин. — Мы думаем, что это изображение духа.

— Это изображение счёта, — сказал Вешняков.

Хранитель посмотрел на него.

— Что?

— Ничего. — Вешняков улыбнулся. — Я старый человек.

Я говорю странные вещи.

Он подошёл ближе. За стеклом, в отдельной витрине, стоял маленький деревянный петух. Грубый, некрашенный, с гребешком и круглым глазом. На груди — сорок четыре насечки.

— Это откуда? — спросил Вешняков.

— Оставили в апреле. — Сорокин помолчал. — Человек с палкой.

— Он сказал, зачем?

— Сказал, что это для музея. — Хранитель посмотрел на петуха. — Мы хотели убрать его в фонды, но посетителям нравится. Дети считают насечки.

Вешняков наклонился. На груди петуха, под насечками, была тонкая царапина — буква «Ъ».

— Кто ещё приходил? — спросил он.

Сорокин нахмурился.

— Женщина. Седая, в сером пальто. Неделю назад.

— Что она хотела?

— Спрашивала отчёт тысяча восемьсот девяностого года. И отчёт тысяча девятьсот четырнадцатого. Про реставрацию идола.

— Вы ей показали?

— Нет. — Хранитель поправил галстук. — Отчёт девяностого в архиве, но я не успел его найти. А четырнадцатого...

— Он замолчал.

— Что?

— Он пропал. — Сорокин посмотрел на Вешнякова. — Вчера. Из фондов.

В зале было тихо. Идол смотрел на них пустыми глазами.

— Покажите фонды, — сказал Вешняков.

2. Фонды

Подвал музея был холодным и сухим.

Сорокин вёл их по коридору, между стеллажами, на которых лежали коробки с номерами. Пахло бумагой, пылью и чем-то ещё — сладковатым, как от старого клея.

— Здесь хранится всё, что не выставляется, — сказал он.

— Керамика, кости, монеты. И документы.

— Отчёт четырнадцатого года?

— Должен быть здесь. — Сорокин остановился у полки.

— Папка была на этом месте. Я сам её видел.

На полке лежал прямоугольник пыли.

— Когда вы видели её в последний раз?

— В пятницу. — Он помолчал. — Женщина приходила в пятницу.

— Вы сказали, неделю назад.

— В пятницу была неделя. — Сорокин посмотрел на него.

— Я не считал дни.

Вешняков посмотрел на полку. Пыль была ровной, как снег; в ней остался след — узкий, аккуратный, как от женской туфли.

— У вас есть опись фондов?

— Есть. — Сорокин достал из шкафа толстую тетрадь. —

Но она не поможет. В описи только номера.

Вешняков открыл тетрадь. Строки были написаны от ру-

ки, чернилами, которые выцвели до цвета чая.

— Вот. — Он провёл пальцем. — «Фонд 12. Опись 3. Дело 14. Реставрация идола. 1914».

— А дело девяностого?

— «Фонд 12. Опись 3. Дело 1. Находка на Шигирском торфянике. 1890».

— Оба пропали?

— Дело четырнадцатого — да. — Сорокин помолчал. — Дело девяностого я не нашёл ещё в пятницу. Оно числится, но на полке его нет.

Вешняков закрыл тетрадь.

— Кто имел доступ в фонды?

— Я. Мой помощник. Уборщица. — Хранитель пожал плечами. — И любой, кто получил разрешение от министерства.

— Женщина в сером имела разрешение?

— Она сказала, что из музея истории религии. — Сорокин покраснел. — Я не проверил.

Анна подошла к стеллажу. Она смотрела на пыль, на след, на пустую полку.

— Здесь была папка, — сказала она. — И её забрали не вчера.

— Почему?

— Потому что пыль под папкой старая. — Она показала. — Смотри. След туфли свежий, а прямоугольник сухой. Папку убрали давно. Пыль успела лечь.

Сорокин посмотрел на полку.

— Я не заметил.

— Вы не смотрите на пыль. — Анна выпрямилась. — А мы смотрим.

Вешняков посмотрел на неё. Она была бледной, но глаза были острые, как в лучшие дни.

— Если папку убрали давно, — сказал он, — значит, её забрали до приезда Лидии.

— Или Лидия забрала её раньше, а в пятницу пришла проверить, — сказала Анна.

— Зачем проверять?

— Чтобы убедиться, что никто не найдёт то, что она ищет.

Сорокин кашлянул.

— Простите. Я не понимаю, о чём вы.

Вешняков повернулся к нему.

— У вас есть закрытое хранилище? Старое? То, которое не открывали много лет?

Хранитель помолчал.

— Есть. — Он посмотрел на дверь в конце коридора. — Но туда нельзя.

— Почему?

— Потому что ключ потерян.

Анна и Вешняков переглянулись.

— А второй ключ? — спросила Анна.

— Второго нет. — Сорокин опустил глаза. — Дверь заложена кирпичом.

* * *

Дверь в конце коридора была железной, обитой по краям медью. Кирпичная кладка перед ней была новой — красной, ещё не выцветшей.

— Когда её заложили? — спросил Вешняков.

— В две тысячи четырнадцатом. — Сорокин помолчал. — При реставрации.

— Кто заложил?

— Подрядчик. — Хранитель посмотрел на кладку. — Сказали, что там сырость и что хранилище опасное.

— А что там было?

— Старые фонды. — Он пожал плечами. — То, что не вошло в опись.

Вешняков подошёл к кладке и провёл ладонью по кирпичу.

— Здесь был Максим, — сказал он.

Анна вздрогнула.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что кладка аккуратная. — Он показал на шов. — Слишком аккуратная для подрядчика. Так кладёт человек, который умеет работать руками и не хочет, чтобы было видно.

— Максим не каменщик.

— Он художник. — Вешняков посмотрел на неё. — Художник умеет прятать.

Сорокин кашлянул.

— Я могу вызвать рабочих. Завтра.

— Сегодня, — сказала Анна.

— Сегодня воскресенье.

— Знаю. — Она посмотрела на него. — Вызовите.

* * *

Рабочий пришёл через час. Он разобрал кладку за двадцать минут; кирпичи падали на пол с глухим стуком.

За дверью была темнота и запах — сырой, тяжёлый, как из колодца.

Вешняков включил фонарик.

Хранилище было маленьким: три стеллажа, стол, стул. На столе лежала коробка из-под обуви. В коробке — восковая табличка.

Он взял её. Табличка была тяжёлой, тёмной, с сорока четырьмя углублениями по краю. В центре — тамга.

— Это же... — Анна замолчала.

— Да. — Вешняков перевернул табличку. — Как у Фомы.

На обороте было вырезано одно слово:

«ШЕСТЬ».

Сорокин стоял в дверях и смотрел на них.

— Что это? — спросил он.

— Счёт, — сказал Вешняков. — И он не закрыт.

Он положил табличку в карман. Потом посмотрел на стеллажи. На верхней полке лежали папки, перевязанные бечёвкой; на корешках были номера.

— Помогите, — сказал он Анне.

Они сняли папки. В первой были фотографии идола — чёрно-белые, с трещинами. Во второй — письма. В третьей — тетрадь в клеёнчатой обложке.

Вешняков открыл тетрадь.

На первой странице было написано:

«Карл Иванович Корн. Реставратор. 1890».

Он перевернул страницу.

«Идол — не бог. Идол — дверь. Внутри — ключ. Я вынул его и спрятал. Если кто-нибудь прочитает это — не ищите ключ в музее. Ищите там, где дерево старше камня. И не считайте до конца».

Вешняков посмотрел на Анну.

— Он знал.

— Что?

— Что кто-то придёт. — Он закрыл тетрадь. — И что этот кто-то будет считать.

В коридоре послышался шум. Кто-то шёл по лестнице — быстро, в несколько шагов.

Сорокин обернулся.

— Я никого не...

Дверь хранилища захлопнулась.

Щёлкнул замок.

3. Корн

Они просидели в хранилище сорок минут.

Дверь была железной; Вешняков бил в неё кулаком, потом ногой. Звук уходил в коридор и возвращался пустым.

— Он ушёл, — сказала Анна. — Тот, кто закрыл.

— Или стоит с другой стороны.

Она приложила ухо к двери.

— Тихо.

Вешняков посветил фонариком. В хранилище не было окна; воздух становился тяжёлым. На столе, рядом с коробкой, лежал старый телефон — дисковый, с обрезанным проводом.

— Он не работает, — сказала Анна.

— Знаю.

Она села на стул.

— Сколько у нас воздуха?

— Часа два. Может, три.

— Хорошо. — Она закрыла глаза. — Тогда не будем тратить его на панику.

Вешняков посмотрел на неё.

— Ты удивительно спокойна.

— Я привыкла. — Она открыла глаза. — В моей работе люди всегда закрывают двери. Иногда снаружи.

Он подошёл к стеллажам. На нижней полке лежал ящик

с инструментами — стамески, молоток, отвёртки. Он взял молоток и вернулся к двери.

— Что ты делаешь?

— Петли. — Он посветил на петли. — Они снаружи. Но замок старый.

Он вставил стамеску в щель у замка и нажал. Металл скрипнул.

— Дай мне, — сказала Анна.

Она взяла молоток и ударила по стамеске. Замок хрустнул.

Дверь открылась.

В коридоре было пусто. На полу лежал клочок бумаги — прямоугольный, белый.

Вешняков поднял его. На бумаге было напечатано:

«Выход — через фонды. Не через лестницу. Л.»

— Она была здесь, — сказала Анна.

— Была.

Они вышли в коридор. Свет на лестнице погас; где-то наверху хлопнула дверь.

— В фонды, — сказал Вешняков.

Они прошли между стеллажами. В дальнем конце коридора была ещё одна дверь — деревянная, с табличкой «Запасной выход».

За ней была улица.

* * *

Они вышли на набережную. Солнце стояло высоко; пух

тополей кружился в воздухе.

Анна села на парапет и выдохнула.

— Кто-то не хотел, чтобы мы нашли тетрадь.

— Кто-то хотел, чтобы мы нашли её, но не вынесли. —
Вешняков достал тетрадь из кармана. — Иначе зачем запис-
ка?

— Лидия?

— Или Тихон. — Он посмотрел на реку. — Они играют
в одну игру, но по разным правилам.

Анна помолчала.

— Что в тетради?

— Пока не читал. — Он открыл её. — Но, судя по первой
странице, Карл Корн был осторожным человеком.

Они сели на скамейку. Вешняков перелистывал страни-
цы; бумага была плотной, с водяными знаками. Записи шли
ровно, день за днём.

«3 января. Идол найден. Рабочие боятся. Управляющий
пьёт».

«4 января. Осмотрел идола. Внутри полость. Доска с на-
сечками. Тамга».

«5 января. Приехала женщина. Анна Матвеевна. Из му-
зея. Спрашивала про доску. Я сказал: нет».

«6 января. Ночью спрятал доску. Вход у старой сосны. В
зале маска. Сорок четыре глаза».

«7 января. Женщина уехала. Перед отъездом сказала:
«Мы ещё встретимся, Карл Иванович». Я не сомневаюсь».

«10 января. Идола увезли. Полость заделали воском. Я сказал, что так надо для сохранности. Управляющий подписал».

«14 января. Меня вызывали в жандармерию. Спрашивали, не находил ли я «предметы старины». Я сказал: нет. Они поверили. Или сделали вид».

«20 января. Понял: женщина не из музея. Музей — это то, что она показывает. Настоящее — то, что она считает».

«1 февраля. Начал писать стихотворение. На доске. Внутри. Если кто-то откроет — прочитает. Если прочитает — поймёт».

«14 февраля. Она вернулась. Стояла у дома. Не заходила. Смотрела на окна. Я не вышел».

«2 марта. Умерла жена. Врач сказал: сердце. Я думаю: она знала. Она всегда знала больше, чем я».

«10 марта. Сын уехал в Москву. Я не сказал ему, где доска. Так безопаснее. Если он не знает — не соврёт».

Вешняков закрыл тетрадь.

— Он был один, — сказал он.

— Как и мы, — сказала Анна.

— Нет. — Он посмотрел на неё. — У него был сын. И у сына была дочь.

Анна нахмурилась.

— Лидия?

— Её отец — Андрей Карлович Корн. — Вешняков достал телефон. — Проверим.

Он набрал запрос. Через минуту на экране появилась статья из архива музея:

«Корн Андрей Карлович (1910–1981), реставратор, сын К. И. Корна. Работал в музее истории и археологии. Участник реставрации Шигирского идола 1935 года. Репрессирован в 1938-м. Реабилитирован в 1956-м».

— Тридцать восьмой, — сказала Анна.

— Арестовали. — Вешняков пролистал. — За «хранение предметов культа».

— Идол?

— Нет. — Он поднял глаза. — За доску.

Анна помолчала.

— Значит, доска была у него.

— Или они думали, что была. — Вешняков посмотрел на реку. — Он не сказал. Как отец.

— А Лидия?

— Лидия Андреевна Корн, тысяча девятьсот семидесятый год. — Он прочитал. — Внучка. Работала в архиве музея. Потом — в министерстве. С две тысячи пятого — «консультант по культурному наследию».

— Штерн.

— Штерн.

Анна встала.

— Нам нужен её адрес.

— У нас есть лучше. — Вешняков закрыл тетрадь. — У нас есть её мать.

4. Мастерская

Мать Лидии Корн жила в доме на окраине, за старым вокзалом.

Дом был деревянный, с резными наличниками, выросший в землю на пол-окна. На двери висела табличка: «Е. А. Корн».

— Елена Андреевна, — сказала Анна. — Значит, она взяла отчество мужа?

— Или отца. — Вешняков нажал звонок. — В этой семье имена передаются по наследству.

Дверь открыла женщина лет восьмидесяти. Она была маленькая, сухая, с седыми волосами, стянутыми в узел. Глаза у неё были светлые, почти бесцветные.

— Вы из музея? — спросила она.

— Нет. — Вешняков показал удостоверение. — Мы по делу вашей дочери.

Женщина посмотрела на удостоверение. Потом на Анну. Потом на Вешнякова.

— Её нет дома.

— Мы знаем. — Он помолчал. — Она в Кировграде.

Женщина не изменилась в лице.

— Проходите.

* * *

В доме пахло чаем и старыми книгами. На стенах висели фотографии: мужчина в очках, женщина в сером платье, де-

вочка с косичками.

— Это Лидия? — спросила Анна.

— Да. — Елена Андреевна поставила чайник. — В семь лет.

Девочка на фотографии стояла у ёлки и держала в руках деревянную птицу.

— Она с детства любила считать, — сказала женщина. — Считала ступеньки, ложки, птиц за окном. Я говорила: «Лидя, перестань». А она говорила: «Мне так спокойнее».

Вешняков сел за стол.

— Елена Андреевна, вы знаете, где сейчас ваша дочь?

— Знаю. — Она налила чай. — Она звонит раз в неделю.

В воскресенье, в шесть.

— Она говорила о работе?

— Никогда. — Женщина посмотрела на него. — Но я знаю, чем она занимается.

— Чем?

— Тем же, чем её отец. — Она села напротив. — И его отец. И прадед.

Анна переглянулась с Вешняковым.

— Прадед — Карл Корн?

— Карл Иванович. — Женщина кивнула. — Он был реставратором. Он нашёл идола.

— И доску.

— И доску. — Она помолчала. — Он спрятал её. И сказал своей жене: «Если я умру, скажи сыну: доска там, где дверь».

И пусть он не считает».

— Он не сказал, где дверь?

— Сказал. — Женщина посмотрела в окно. — Но не мне. Мне он не сказал ничего. Я была женой внука.

Вешняков отпил чай. Он был горьким, с мятой.

— Вы знали Анну Матвеевну? — спросил он. — Женщину из музея?

— Знала. — Елена Андреевна усмехнулась. — Она была моей свекровью.

— То есть бабушкой Лидии?

— Да. — Женщина посмотрела на него. — Анна Матвеевна Корн. Она приехала на болото в двадцать девятом? Нет, раньше. В десятом? — Она покачала головой. — Я путаю годы. Она была старше моего мужа на двадцать лет.

Вешняков почувствовал, как холод пробирается под рубашку.

— Анна Матвеевна, — сказал он. — В девяностом тоже была Анна Матвеевна.

— Была. — Елена Андреевна кивнула. — Это не имя. Это должность.

— Как должность?

— В Братстве женщин не называли по имени. — Она посмотрела на него. — Та, которая вела счёт, называлась Анной. По Матфею. Матфей был мытарь. Он считал.

Вешняков вспомнил серую женщину на фотографии из музейных бумаг. У неё не было ни имени, ни возраста —

только подпись под снимком: «А. М. 1890».

— А ваша свекровь?

— Её звали иначе. — Елена Андреевна помолчала. — Но в доме её называли Анной Матвеевной. Так было принято. Так её называли и те, кто приходил.

— Кто приходил?

— Люди в сером. — Женщина посмотрела в окно. — Они приходят раз в год. Считают. Уходят.

— И вы не спрашивали, кто они?

— Я спрашивала один раз. — Она улыбнулась. — Мне сказали: те, кто помнит.

— Она была Штерн? — спросил Вешняков.

Женщина долго молчала.

— Это слово в нашем доме не говорят, — сказала она наконец. — Но да. Она считала.

— И ваша дочь считает.

— Моя дочь продолжает. — Елена Андреевна поставила чашку. — Когда мужа арестовали, Лиде было восемь. Она видела, как его уводят. Он сказал ей: «Не считай вслух». Она запомнила.

Анна наклонилась вперёд.

— Елена Андреевна, где сейчас Лидия?

— На болоте. — Женщина посмотрела на неё. — Она нашла вторую дверь. Она ждала, пока кто-нибудь приедет.

— Кто?

— Тот, кто прочитает. — Она перевела взгляд на Вешня-

кова. — Она говорила о вас. «Он читает дерево. Он единственный».

Вешняков поставил чашку.

— Она сказала, что ждёт меня?

— Она сказала: «Он приедет. Он не сможет не приехать».

— Женщина помолчала. — Она всегда знает, кто приедет. Это её работа.

* * *

На улице Анна закурила. Она курила редко, только когда злилась.

— Она нас использовала, — сказала она. — С самого начала.

— Да.

— И её мать знала.

— Знала.

— И ничего не сказала.

— Она боится. — Вешняков посмотрел на дом. — Три поколения боятся.

Анна выбросила сигарету.

— А Максим?

— Что Максим?

— Если Лидия ждала тебя, значит, Максим был... — Она замолчала.

— Приманкой?

— Да.

Вешняков покачал головой.

— Не только. — Он достал из кармана обломок доски. — Она отдала мне шестую доску. Она хочет, чтобы я прочитал четвёртую. Максим — часть сделки.

— Какой сделки?

— Она даёт мне Максима. Я даю ей чтение.

Анна посмотрела на него.

— А если ты не прочитаешь?

— Тогда Максим останется у неё.

— А если прочитаешь?

— Тогда она откроет дверь.

Анна отвернулась.

— Я не позволю.

— Анна.

— Я не позволю использовать моего брата.

— Я знаю.

Она посмотрела на него. В её глазах были слёзы, но она не плакала.

— Тогда найди другой способ.

* * *

Мастерская на Малышева была заперта.

Дверь в подвал стояла приоткрытой; изнутри шёл свет. Вешняков спустился первым. Пахло глиной, краской и чаем.

— Кто-то здесь, — прошептала Анна.

На столе стояла чашка. Она была горячей.

Вешняков прошёл вглубь комнаты. На стенах висели рисунки: идол, лабиринт, лицо женщины. На полу лежали кус-

ки дерева, стружка, обломки гипса.

В углу стояла кровать. Одеяло было скомкано; на подушке — тёмный след.

— Он спал здесь, — сказала Анна.

— Спал.

Вешняков подошёл к столу. На нём лежала тетрадь. Он открыл её.

Первая страница была пустой. Вторая — тоже. На третьей был рисунок: лабиринт. В центре — маленькая фигурка.

Он перевернул страницу.

На следующей было написано:

«Я считаю до шести. Осталось два».

Вешняков посмотрел на рисунок. Лабиринт был не простой: линии шли спиралью, как на матрице. В центре — точка.

— Это не лабиринт, — сказал он.

— А что?

— Это счёт. — Он провёл пальцем по линиям. — Шесть кругов. Каждый круг — слой.

Анна наклонилась.

— И что в центре?

— Дверь.

Он перевернул ещё одну страницу.

На ней была карта. Не Урала — небольшой области: озеро, торфяник, лес. В центре карты стоял крестик. Рядом было написано: «Кировград. Шестой».

— Шестой, — сказал Вешняков.

— Что это значит?

— Не знаю. — Он закрыл тетрадь. — Но это не Екатеринбург.

Анна посмотрела на карту.

— Мой отец ездил туда.

Вешняков замер.

— Куда?

— В Кировград. — Она показала на крестик. — Он говорил, что там нашли идола.

— Торфяник.

— Да. — Она посмотрела на него. — Он говорил, что там есть ещё одна яма. Не та, где нашли идола. Другая.

— Какая?

Она не успела ответить.

За спиной скрипнула дверь.

5. Сестра

Анна обернулась первой.

В дверях стоял мужчина в сером плаще. Высокий, с мокрыми от дождя плечами, с телефоном в руке. Тот самый, с перекрёстка.

— Профессор, — сказал он. — Вас ждут.

Вешняков встал между ним и Анной.

— Где Максим?

— Жив. — Мужчина убрал телефон. — Пока.

— Кто вы?

— Тихон Сергеевич. — Он чуть поклонился. — Можно просто Тихон.

Анна шагнула вперёд.

— Вы были в галерее.

Тихон посмотрел на неё.

— Была.

— В две тысячи двадцать втором.

— Была. — Он не отвёл взгляда. — Я держал дверь.

Анна ударила его.

Он не уклонился. Кулак попал в скулу; голова мотнулась. Тихон вытер губу тыльной стороной ладони.

— Полегчало?

Она ударила снова. Он перехватил её руку.

— Полковник. — Голос был спокойным. — Если вы сло-

маете мне челюсть, я не смогу говорить. А говорить придётся.

Вешняков оттащил Анну.

— Хватит.

— Он убил Ирму.

— Я не убивал, — сказал Тихон. — Я держал дверь. Убивал Кузьмин.

— По чьему приказу?

Тихон помолчал.

— По приказу Лидии Андреевны.

В мастерской было тихо. Где-то капала вода.

— Зачем? — спросил Вешняков.

— Она думала, что Ирма взяла ключ. — Тихон пожал плечами. — Она ошиблась.

— И вы её убили.

— Мы её допрашивали. — Тихон посмотрел на него. — Она не сказала, где опись. Кузьмин перестарался.

Анна рванулась снова. Вешняков удержал.

— Вы пришли, чтобы рассказать нам это? — спросил он.

— Нет. — Тихон достал из кармана телефон. — Я пришёл, чтобы вы поговорили.

Он нажал кнопку. В трубке щёлкнуло.

— Профессор, — сказал женский голос. — Наконец.

Вешняков узнал его сразу. Спокойный, ровный, без интонации.

— Лидия.

— Вы получили доску?

— Получил.

— Хорошо. — Пауза. — Завтра в полдень дверь откроется. Мне нужен человек, который прочитает надпись.

— Где Максим?

— Он жив. — Она помолчала. — Я не убиваю тех, кто мне нужен.

— Вы убили Ирму.

— Ирма была ошибкой. — Голос не изменился. — Я не люблю ошибки.

Вешняков сжал телефон.

— Что вам нужно?

— Вы уже знаете. — Она сказала это мягко. — Приезжайте один. Девочку оставьте.

— Анна поедет со мной.

— Нет. — Пауза. — Если она приедет, я не смогу гарантировать, что мальчик останется цел.

Анна выхватила телефон.

— Если ты тронешь его...

— Полковник, — перебила Лидия. — Я не угрожаю. Я предупреждаю. Есть разница.

— В чём?

— Угроза — это когда я говорю, что сделаю. Предупреждение — когда я говорю, что уже сделала.

Телефон замолчал.

Тихон забрал трубку.

— Завтра, — сказал он. — Полдень. Прииск «Шигирский». Вы знаете, где это.

Он пошёл к двери.

— Стойте, — сказала Анна.

Тихон обернулся.

— Вы арестованы.

— Нет. — Он покачал головой. — Я свидетель. А свидетелей не арестовывают. Их берегут.

Он вышел.

Анна бросилась за ним. На улице было пусто; только дождь стучал по крышам.

— Ушёл, — сказала она.

Вешняков вышел следом.

— Он не ушёл. — Он посмотрел на телефон. — Он повёл.

* * *

Анна поехала к матери.

Нина Петровна Величко жила в двухкомнатной квартире на Гагарина. В коридоре пахло пирогами; на стенах висели вышитые полотенца.

— Ты одна? — спросила мать.

— Одна.

— А где твой профессор?

— Работает.

Нина Петровна поставила чайник.

— Ты похудела.

— Я в порядке.

— Ты ранена.

Анна посмотрела на неё.

— Кто тебе сказал?

— Ты ходишь как старуха. — Мать села напротив. — И лицо у тебя, как у отца, когда он врал.

Анна усмехнулась.

— Я не вру.

— Врёшь. — Нина Петровна пододвинула ей пирог. — Ты always врёшь, когда защищаешь кого-то.

Анна взяла пирог. Она не хотела есть, но руки помнили вкус детства.

— Мам. — Она помолчала. — Максим жив.

Нина Петровна замерла.

— Что?

— Он жив. Мы нашли его.

Мать медленно опустилась на стул.

— Где?

— В Кировграде. — Анна посмотрела на неё. — У женщины. Она его держит.

— Кто она?

— Лидия Корн. — Анна произнесла это имя и почувствовала, как оно отдаётся в зубах. — Она из Братства.

Нина Петровна закрыла глаза.

— Я знала, — сказала она.

— Что?

— Что он жив. — Мать открыла глаза. — Он звонил.

Анна замерла.

— Когда?

— Каждый год. В твой день рождения. — Нина Петровна встала и подошла к шкафу. — Молчал в трубку. Я говорила: «Максим, скажи хоть слово». Он дышал и вешал.

Она достала коробку из-под конфет.

— Вот.

В коробке лежали фотографии, письма и рисунки. Анна взяла верхний — лабиринт, нарисованный карандашом. В центре — маленькая фигурка с поднятыми руками.

На обороте было написано:

«Если я не вернусь, ищи шестой круг. И не верь Лидии».

Анна смотрела на буквы. Почерк был ровный, с наклоном вправо. Так писал брат, когда торопился.

— Когда он это написал?

— Не знаю. — Мать села рядом. — Я нашла это в его комнате, когда он исчез.

— Ты не сказала полиции?

— Сказала. — Нина Петровна посмотрела на неё. — Они сказали, что это детский рисунок.

Анна положила рисунок на стол.

— Мам.

— Что?

— Ты знала, что он жив, и молчала?

— Я не знала. — Мать покачала головой. — Я надеялась.

Анна закрыла глаза.

— Я его не спасла.

— Ты была ребёнком.

— Мне было двадцать.

— Ты была ребёнком, — повторила мать. — А теперь ты взрослая. И у тебя есть шанс.

Анна открыла глаза.

— Какой?

— Найти его. — Нина Петровна взяла её за руку. — И не потерять себя.

В коридоре зазвонил телефон. Анна достала его.

— Да?

— Он жив, — сказал Вешняков. — Лидия только что это подтвердила.

Анна посмотрела на рисунок.

— Я знаю, — сказала она. — Я всегда знала.

6. Серый

Тихон ждал их в кафе на Ленина.

Он сидел у окна, пил кофе и читал газету. На скуле у него был пластырь.

— Быстро вы, — сказал он.

— Вы сказали, что будете говорить. — Вешняков сел напротив. — Говорите.

Тихон сложил газету.

— Я работаю на Братство двадцать лет. — Он отпил кофе. — Начинал курьером. Потом стал... — он пожал плечами, — администратором.

— Убийцей.

— Я не убиваю. — Тихон посмотрел на него. — Я считаю.

— Это одно и то же.

— Нет. — Он покачал головой. — Убийца выбирает. Я исполняю.

Анна села рядом с Вешняковым.

— Вы держали Ирму.

Тихон помолчал.

— Держал.

— Она просила вас отпустить?

— Просила. — Он посмотрел в чашку. — Я не отпустил.

— Почему?

— Потому что мне приказали.

— Кто?

— Лидия Андреевна.

Анна подалась вперёд.

— Вы можете это доказать?

— Могу. — Тихон достал из кармана флешку. — Здесь записи. Не всё. Но достаточно.

Вешняков взял флешку.

— Почему сейчас?

— Потому что она собирается меня убить. — Тихон сказал это без эмоций. — Я знаю слишком много. После завтрашнего дня я стану ненужным.

— Что будет завтра?

— Дверь. — Он посмотрел на них. — Лидия нашла вторую дверь. Она хочет открыть её и закрыть счёт.

— Какой счёт?

— Сорок четыре имени. — Тихон откинулся на стуле. — Она собирает их тридцать лет. В книге не хватает одного.

— Меня, — сказал Вешняков.

— Вас. — Тихон кивнул. — Или мальчика.

Анна замерла.

— Максима?

— Его имя в списке. — Тихон пожал плечами. — Он сорок четвёртый.

— Почему он?

— Потому что он сделал копии всех ключей. — Тихон посмотрел на неё. — Он знает, как они устроены. Если он

заговорит, Братство рухнет. Поэтому она держит его живым. Пока он нужен.

— А потом?

— Потом она его впишет. — Тихон помолчал. — И закрывает книгу.

Вешняков сжал флешку.

— Зачем ей закрывать книгу?

— Потому что книга — это замок. — Тихон посмотрел на него. — Сорок четыре имени держат дверь закрытой. Когда список закончен, замок защёлкивается навсегда.

— А если список не закончен?

— Тогда дверь можно открыть. — Он чуть улыбнулся. — Поэтому она хочет закончить. А вы хотите открыть.

Вешняков посмотрел на него.

— А вы?

— Я хочу уйти. — Тихон встал. — У меня есть деньги. Есть паспорт. Есть дочь в Тюмени. Я хочу увидеть, как она выходит замуж.

— И поэтому вы сдаёте Лидию?

— Поэтому я даю вам информацию. — Он положил на стол ключ. — Это от склада на Вокзальной. Там её архив. Дневники, записи, приказы. Всё, что нужно для суда.

Анна взяла ключ.

— Почему мы должны вам верить?

— Не должны. — Тихон надел плащ. — Но у вас нет выбора. Завтра в полдень она откроет дверь. Если вы не придё-

те, она впишет мальчика. Если придёте — у вас будет шанс.

Он пошёл к выходу.

— Тихон, — сказал Вешняков.

Он обернулся.

— Кто такая Соня?

Тихон замер.

— Откуда вы знаете это имя?

— Из тетради Карла. — Вешняков показал на его лицо.

— Вы побледили.

Тихон молчал.

— Соня — её дочь, — сказал он наконец. — Она погибла в девяносто восьмом.

— Как?

— Пожар. — Тихон посмотрел в сторону. — Лидия считает, что это сделало Братство. Поэтому она и пришла к ним.

— Чтобы отомстить?

— Чтобы считать. — Тихон открыл дверь. — Она думает, что если посчитает всех, то поймёт, почему умерла Соня.

Он вышел.

Анна посмотрела на Вешнякова.

— Он врёт.

— В чём?

— В том, что не убивает.

Вешняков положил флешку в карман.

— Может быть. — Он встал. — Но завтра он нам нужен.

7. Шесть кругов

Егор Прокопьевич жил в гараже.

Не в доме — в гараже. Внутри стояли старый мотоцикл, верстак, печка и кровать. На стенах висели карты торфяника, вырезки из газет, фотографии.

— Вы из музея? — спросил он.

— Нет.

— Из полиции?

— Тоже нет.

Старик посмотрел на Анну.

— А она?

— Она полковник.

Егор присвистнул.

— Тогда проходите.

Он был худой, жилистый, с руками, покрытыми тёмными пятнами. На вид ему было лет семьдесят, но двигался он быстро.

— Чай будете?

— Будем, — сказала Анна.

Он поставил чайник на печку.

— Значит, вам нужен торфяник.

— Нужен.

— Зачем?

Вешняков показал ему фотографию идола.

— Мы ищем место, где его нашли.

Старик посмотрел на фотографию. Потом на Вешнякова.

— Вы хотите спуститься.

— Да.

Егор покачал головой.

— Туда нельзя.

— Почему?

— Потому что там шесть кругов. — Он сел на табурет.

— Мой дед туда ходил. Он говорил: «Первый круг — для дураков. Второй — для воров. Третий — для мёртвых. Четвёртый — для тех, кто умеет считать. Пятый — для тех, кто умеет молчать. Шестой — для тех, кто не хочет возвращаться».

Анна посмотрела на Вешнякова.

— Что это значит?

— Это значит, что там лабиринт, — сказал Егор. — Старый. Его построили до нас. Может, до царя. Может, до царя царей.

— Кто построил?

— Не знаю. — Старик пожал плечами. — Те, кто считал. Вешняков достал карту из тетради Максима.

— Вы знаете это место?

Егор посмотрел на карту. Его лицо изменилось.

— Знаю.

— Что там?

— Прииск. — Он провёл пальцем по крестику. — Старый.

Закрыли в шестидесятом. Там была яма. Потом её завалило.

— А вход?

— Вход был у сосны. — Старик посмотрел на него. — Сосну сломало в девяносто восьмом. Но вход остался.

— Вы можете нас провести?

Егор молчал. Чайник закипел; он снял его и разлил чай.

— Зачем вам туда?

— Там человек. — Анна посмотрела на него. — Мой брат. Старик посмотрел на неё. Долго.

— Живой?

— Живой.

— Тогда завтра. — Он поставил чашку. — В шесть утра. Поедем на моём «уазике».

— Почему не сегодня?

— Потому что сегодня там люди. — Егор подул на чай. — Я видел машины. Чёрные. С утра стоят.

Вешняков переглянулся с Анной.

— Сколько людей?

— Четверо. Может, пятеро. — Старик отпил. — И женщина. Седая.

— Лидия.

— Наверное. — Егор пожал плечами. — Она приезжала в апреле. Смотрела на болото. Ничего не говорила. Только считала.

— Что считала?

— Деревья. — Старик усмехнулся. — Я спросил: «Что вы

делаете?» Она сказала: «Проверяю, все ли на месте».

* * *

Ночь они провели в гостинице.

Анна спала; Вешняков сидел у окна и читал тетрадь Карла. Записи были короткими, как приказы. Иногда между страницами попадались рисунки: идол, маска, лабиринт.

На последней странице было написано:

«Если я не вернусь, пусть тот, кто придёт, знает: дверь открывается не ключом. Дверь открывается отказом. Я не успел отказаться. Я считал слишком долго».

Вешняков закрыл тетрадь.

За окном был город; в окнах домов горел свет. Где-то далеко, за лесом, лежало болото, и под болотом — шесть кругов.

Он посмотрел на часы. Половина второго.

До полудня оставалось десять часов.

* * *

Утром они встретились у гаража.

Егор уже прогревал «уазик». В кузове лежали верёвка, фонари, лопата и канистра с бензином.

— Садитесь, — сказал он. — Дорога долгая.

Анна села вперёд. Вешняков — сзади, рядом с рюкзаком.

Машина выехала из города. За окном тянулись дачи, потом лес, потом болото. Небо было серым; дождь висел в воздухе, как пыль.

— Егор, — сказал Вешняков. — Что вы знаете о женщине

в сером?

Старик помолчал.

— Она приезжает каждый год. — Он посмотрел в зеркало.

— В июне. Считает деревья. Потом уезжает.

— Зачем?

— Не знаю. — Он пожал плечами. — Но мой дед говорил: «Когда она перестанет считать, дверь откроется».

— Почему?

— Потому что счёт — это замок. — Егор повернул руль.

— Пока она считает, дверь закрыта. Когда собьётся — откроется.

Вешняков посмотрел на лес.

— А если она умрёт?

Старик не ответил.

Машина ехала по мокрой дороге, и дождь стучал по крыше, как счёт.

* * *

У поворота на прииск стояли две чёрные машины.

Егор остановился.

— Дальше пешком, — сказал он. — Они нас услышат.

Они вышли. Дождь усилился; лес стоял чёрный, мокрый.

Вешняков достал обломок шестой доски.

— Идём.

Они прошли мимо машин. Внутри никого не было. На сиденье первой лежал телефон, включённый, с открытой картой.

— Они знают, что мы здесь, — сказала Анна.

— Знают. — Вешняков посмотрел на лес. — Но они хотят, чтобы мы вошли.

Они шли по тропе между соснами. Через полкилометра лес расступился, и они увидели торфяник.

Он был похож на рану: чёрная земля, вывернутая, мокрая; кое-где блестели лужи. В центре стояла деревянная вышка. Рядом — вагончик с выбитыми стёклами.

— Здесь, — сказал Егор. — Прииск.

Анна посмотрела на болото.

— Где вход?

— У сосны. — Старик показал на восток. — Там, где корни.

Они пошли. У края торфяника лежала огромная сосна, сломленная пополам. Её корни торчали из земли, как пальцы.

Под корнями была яма.

Вешняков подошёл и посветил фонарём. Внизу был камень. На камне — тамга.

— Вход, — сказал он.

Он спустился первым. Камень был скользким; он держался за корни. Внизу пахло водой и железом.

На камне лежал свежий воск. И печать — петух.

— Они уже внутри, — сказала Анна.

Вешняков сломал печать.

— Тогда идём.

8. Под корнями

Телефон зазвонил, когда Вешняков уже стоял на камне.

Он достал его из кармана. На экране было две полоски и имя: «Сорокин».

— Да.

— Профессор. — Голос хранителя дрожал. — У нас в музее... ночью. Я пришёл в семь, а дверь в зал открыта. Сигнализация не сработала.

— Что пропало?

— Ничего. — Сорокин помолчал. — То есть я не знаю. Но идол... у него открыта корона.

Вешняков посмотрел на Анну. Она стояла у ямы с фонарём и слушала.

— Что в короне?

— Там была полость. Мы думали, она пустая. — Хранитель сглотнул. — А внутри лежал петух. Восковой. И записка.

— Прочитайте.

Шорох бумаги. Потом голос Сорокина, медленный, как у человека, который читает вслух впервые:

— «Она держит меня не силой. Она держит меня именем. Не верь ей. Шестой круг — не комната. Это счёт. М.»

Анна шагнула к телефону.

— Это он.

— Вы уверены?

— Я знаю его почерк. — Она взяла трубку. — Игорь, слушайте меня. Ничего не трогайте. Сфотографируйте петуха со всех сторон и записку. Потом закройте зал и никого не пускайте. Ни журналистов, ни министерство. Особенно министерство.

— А полиция?

— Я полиция. — Анна помолчала. — Но пока никому. Она вернула телефон.

— Он жив, — сказала она тихо. — Одиннадцать лет. Он жив.

Вешняков кивнул. Внизу, под корнями, была темнота, и оттуда тянуло холодом.

— Он оставил записку в короне, — сказал он. — Значит, был в музее.

— Или её оставил тот, кто был.

— Кто?

Анна не ответила. Она смотрела на яму.

Егор стоял в стороне, у сосны, и курил. Сигарета была короткой, огонёк дрожал.

— Я дальше не пойду, — сказал он.

— Мы не просим.

— Мне семьдесят. — Старик стряхнул пепел. — Я буду ждать здесь до темноты. Если не выйдете — уеду и скажу, что вы не выходили.

— Скажите, что мы вошли.

— Скажу. — Егор достал из-под сиденья «уазика» жестяную лампу, спички и моток верёвки. — Держите. Лампа надёжнее фонаря. Фонарь сядет — лампа будет гореть.

Вешняков взял лампу. Она была тяжёлая, с копотью на стекле.

— И ещё, — сказал Егор. — Не считайте вслух.

— Почему?

— Потому что она слышит.

Он сказал это без страха, как говорят о погоде.

— Кто она?

— Та, что считает. — Егор посмотрел на болото. — Мой дед говорил: в этом месте нельзя называть числа. Назовёшь — она запишет.

Анна посмотрела на него.

— Вы верите в это?

— Я верю в то, что видел. — Старик затянулся. — А видел я немного. Но хватило.

Он бросил сигарету в мокрую траву.

— Идите. И не оглядывайтесь.

* * *

Они спустились по камням.

Внизу был коридор — узкий, с низким потолком, обложенный лиственницей. Дерево было чёрным от времени, но ещё держало свод. Между брёвнами торчали корни; они были живые, влажные, и в свете лампы казалось, что стены шевелятся.

Пахло торфом, железом и воском.

— Осторожно, — сказал Вешняков. — Здесь низко.

Анна шла за ним, согнувшись. Её фонарь бил в спину, и тень Вешнякова падала на стены, длинная и кривая.

— Сколько мы уже идём? — спросила она.

— Минут пять.

— Мне кажется, час.

Коридор повернул. Потом ещё раз. Потом начал спускаться — ступени были вырезаны в глине, грубые, неровные. На каждой ступени, у самого края, была зарубка. Вешняков посчитал первые десять, потом сбился.

— Не считай, — сказала Анна.

— Я не вслух.

— Всё равно.

Он посмотрел на неё. Она была бледной; на лбу блестел пот.

— Ты как?

— Нормально.

— Анна.

— Я нормально. — Она вытерла лоб рукавом. — Просто здесь мало воздуха.

Воздуха было достаточно. Но он был тяжёлый, как вода.

В конце коридора стояла дверь.

Она была каменной, круглой, вросшей в стену. По центру — тамга: три зубца, средний длиннее. Такая же, как на кирпиче под Царь-пушкой, как на перстне, как на печатях Бе-

лояра.

— Пришли, — сказал Вешняков.

Он нажал на дверь ладонью. Она не двинулась.

— Толкни.

Он толкнул плечом. Камень поддался тяжело, будто его держали с другой стороны. В щели потянуло сквозняком — холодным, свежим, с запахом воды.

Дверь открылась внутрь.

За ней был ещё коридор, шире первого. На полу лежал песок; в песке были следы. Много следов. Они шли в обе стороны.

— Здесь ходили, — сказала Анна.

— Здесь ходят.

Они вошли. Вешняков обернулся и посмотрел на дверь.

Она стояла открытой.

— Надо её закрыть, — сказал он.

— Зачем?

— Потому что если она закроется сама, мы не будем знать когда.

Он потянул дверь на себя. Она пошла легко — слишком легко. За ней, в стене, что-то щёлкнуло. Камень опустился, будто его отпустили.

— Что это?

— Противовес, — сказал Вешняков. — Она закрывается сама.

Они подождали. Дверь не двинулась.

— Может, она не заперта.

— Может.

Они пошли дальше. Через двадцать шагов за спиной раздался глухой удар. Камень встал на место.

Анна остановилась.

— Вот теперь мы в ловушке.

Вешняков посмотрел на песок. Следы вели вперёд.

— Мы не в ловушке, — сказал он. — Мы в счёте.

— Сколько здесь воздуха? — спросила Анна.

— Не знаю. — Вешняков поднял лампу. — Часа на два.

— А потом?

— Потом найдём выход.

— Ты говоришь это так, будто выход есть.

— Он есть. — Вешняков поднёс ладонь к стене. — Здесь тянет.

Анна тоже подставила руку.

— Не чувствую.

— Не рукой. — Он зажёг спичку. Пламя наклонилось — слабо, вперёд, в сторону коридора. — Воздух идёт оттуда. Значит, там есть дыра.

— Или там кто-то дышит.

Он посмотрел на неё.

— Тоже вариант.

Они пошли. Через десять шагов коридор сузился так, что пришлось идти боком. Корни цеплялись за куртку, за рюкзак, за волосы. Лампа коптила; на стекле оседала сажа.

— Держись за меня, — сказал Вешняков.

— Я держусь.

Он чувствовал её руку на своём плече. Пальцы были холодные.

— Если я остановлюсь — толкни.

— Почему ты остановишься?

— Потому что здесь можно остановиться и не заметить.

— Он посмотрел вперёд. — Человек идёт, пока считает. Когда счёт кончается, он садится.

— А ты?

— Я ещё считаю.

Песок под ногами был холодным. Лампа горела ровно, и в её свете стены казались ближе, чем были.

В конце коридора загорелась лампочка.

Она вспыхнула не сразу — сначала загудела, потом замигала, потом зажглась ровным жёлтым светом. Вслед за ней — вторая, дальше. Коридор осветился, и Вешняков увидел, что он не один.

На стенах были насечки.

Тысячи. Ряды, столбцы, крестики, палочки. Они покрывали лиственницу от пола до потолка, как кора.

Анна поднесла фонарь.

— Это что?

— Счёт. — Вешняков провёл пальцем по зарубкам. — Кто-то считал.

— Что?

— Всё.

Впереди, в конце коридора, стояла металлическая дверь. На ней был динамик — старый, чёрный, с сеткой.

Динамик щёлкнул.

— Наконец-то, — сказал женский голос.

Голос был спокойный, ровный, как у учительницы.

— Я думала, вы не придёте. Вы опоздали на сорок минут. Я начала считать.

Вешняков посмотрел на динамик.

— Лидия.

— Даниил. — Пауза. — И Анна. Здравствуйте, Анна.

Анна не ответила. Её рука была на кобуре.

— Где мой брат? — спросила она.

— Впереди. — Голос улыбнулся. — Как и всё, что вы ищите.

Дверь открылась.

9. Первый круг. Сорок три

Зал был круглым.

Он был вырублен в глине и обложен лиственницей — стены, свод, пол. Дерево было чёрным, полированным, и в свете лампы блестело, как камень. В центре было пусто: круг светлого песка, ровный, как циферблат.

А вокруг, по кругу, стояли столбы.

Вешняков насчитал их сразу, не думая. Сорок три.

Каждый столб был выше человека — старый ствол, очищенный от коры, вкопанный в пол. На каждом, на уровне глаз, была вырезана табличка. Не табличка — прямоугольник, вырезанный в дереве, а в нём — имя.

Анна подошла к первому.

— «Фома», — прочитала она. — Просто Фома.

— Первый, — сказал Вешняков.

Он пошёл по кругу. Имена были разные — старые и новые, длинные и короткие. Некоторые он знал. Некоторые — нет.

«Фома. 1566».

«Григорий, сын пономаря. 1580».

«Корн Александра Михайловна. 1937. Хранитель».

«Корн Андрей Карлович. 1981».

«Баранов Лев Ильич. 2026».

Анна остановилась.

— Лев Ильич.

— Ты его знала?

— Я читала дело. — Она коснулась имени. — Он умер в мае. В Суздале.

— Его убили?

— Его нашли в погребке. — Она помолчала. — Сказали: сердце.

Вешняков посмотрел на цифру под именем.

— Сорок два.

— Как Смирнов.

— Как все. — Анна выпрямилась. — Она не убивает. Она записывает.

— Кто-то убивает.

— Кто-то считает. — Анна посмотрела на столбы. — Это не одно и то же. Но это работает вместе.

Он хотел сказать, что это одно и то же, но промолчал. В зале гудела лампа.

«Смирнов Николай Петрович. 2026».

Последний столб был светлее остальных. Дерево на нём было свежим, почти белым; стружка лежала у подножия, как снег.

Анна присела.

— Смирнов. — Она посмотрела на Вешнякова. — Он умер в мае.

— Две недели назад.

— Кто его вырезал?

— Тот, кто считает.

Вешняков посмотрел на столб. Под именем была цифра: «43». Цифра была вырезана глубоко, уверенно, другим ножом. И другим почерком.

— Имена режут сами, — сказал он. — А номера — те, кто считает.

Анна выпрямилась.

— Значит, они знали, что он умрёт.

— Они знали, что он умрёт. — Вешняков посмотрел на пустое место в центре. — Или они решили, что он умрёт.

В центре круга стоял пень.

Он был срезан ровно, отполирован. На нём лежала медная пластина — прямоугольная, без надписи. Рядом, на песке, лежало долото. Лезвие было чистым.

Вешняков подошёл.

На пне, у самого края, был вырезан номер: «44».

— Сорок четвёртый, — сказала Анна.

— Сорок четвёртый.

Он посмотрел на долото. Потом на пластину. Потом на столбы.

— Здесь сорок три имени, — сказал он. — И одно пустое место.

— Как в описи.

— Как в описи.

Динамик над дверью щёлкнул.

— Вам нравится? — спросила Лидия.

Вешняков не обернулся.

— Это вы их убили?

— Я никого не убивала. — Голос был спокойный. — Я считаю.

— Смирнов умер в мае.

— Смирнов умер от сердца. — Пауза. — Я успела записать его имя. Это всё, что я успела.

Анна шагнула к динамику.

— Где Максим?

— Он здесь. — Лидия помолчала. — Он всегда здесь. Он — замок.

— Что это значит?

— Это значит, что он держит дверь. — Голос стал тише. — Не руками. Именем.

Вешняков посмотрел на пустой пень.

— Вы хотите, чтобы я стал сорок четвёртым.

— Я хочу, чтобы вы прочитали. — Лидия вздохнула. — Сорок четвёртый — не тот, кто умирает. Сорок четвёртый — тот, кто закрывает счёт.

— А закрыть счёт — это что?

— Это назвать последнее имя. — Пауза. — И не заплакать.

В зале стало тихо. Лампа гудела.

— Читайте, — сказала Лидия. — Я хочу услышать, как вы считаете.

Вешняков посмотрел на столбы. Потом на Анну.

— Не считай, — сказала она.

— Надо.

Он начал с первого.

— Один. Два. Три.

Голос у него был ровный. Он шёл по кругу, и имена проплывали мимо, как лица в поезде.

— Двадцать. Двадцать один. Двадцать два.

Анна стояла у пня и смотрела на него.

— Сорок. Сорок один. Сорок два. Сорок три.

Он остановился. Пень был перед ним. На нём — номер 44.

— Сорок три, — сказал он.

Ничего не произошло.

— Сорок три, — повторила Лидия. — Вы уверены?

Вешняков посмотрел на пень. На песок. На долото.

— Нет, — сказал он. — Не уверен.

Он взял долото. Оно было тяжёлым, холодным. Он присел и провёл лезвием по песку вокруг пня. Песок был светлый, ровный. Под ним — тёмный круг.

— Здесь стоял ещё один, — сказал он. — Раньше.

— Здесь всегда стоял ещё один, — сказала Лидия.

Вешняков выпрямился.

— Сорок четыре.

Дверь в дальней стене щёлкнула. Камень отъехал в сторону.

Анна посмотрела на него.

— Ты назвал пустое место.

— Пустое место — тоже место. — Он положил долото обратно. — Она считает не имена. Она считает места.

Динамик молчал.

Потом Лидия сказала:

— Вот поэтому вы и нужны.

— Где мой брат? — снова спросила Анна.

— Во втором круге. — Голос был мягкий. — Идите. Он ждёт.

— Вы сказали, что он здесь.

— Он везде. — Пауза. — Он — замок.

Дверь открылась шире. За ней был коридор, и оттуда тянуло холодом.

— И ещё, — сказала Лидия. — Не считайте вслух. Здесь это не любят.

* * *

Они подошли к двери.

За ней был ещё один коридор — узкий, с низким сводом. Стены были покрыты рисунками.

Анна подняла фонарь.

— Это уголь, — сказала она. — Детский уголь.

На стене был дом. Простой, с трубой и дымом. Рядом — женщина с косами. Рядом — птица. Потом — снова дом, только кривой, будто его нарисовали в спешке.

— Максим, — сказала Анна. — Он так рисовал. Всегда дом и птицу.

— Почему птицу?

— Не знаю. — Она провела пальцем по стене. — Он говорил: птица улетает, а дом остаётся.

Вешняков посмотрел на рисунок. Под птицей была подпись, выцарапанная ножом: «А. 2004».

— Это ты.

— Я. — Анна смотрела на рисунок. — Ему было двадцать шесть. Мне — шестнадцать.

Она отвернулась.

— Пойдём.

* * *

Коридор спускался.

На стенах были ещё рисунки: лабиринт, круг, человек без лица. Под человеком — цифра 44, перечёркнутая крест-накрест.

Анна остановилась.

— Он не хотел, чтобы ты был сорок четвёртым.

— Я не буду.

— Он написал это одиннадцать лет назад. — Она посмотрела на рисунок. — Или вчера.

В конце коридора была вода.

Она стояла в дверном проёме — чёрная, гладкая, без единой ряби. Над водой висел пар.

Вешняков опустил лампу. Свет скользнул по поверхности и ушёл вглубь.

— Глубоко, — сказал он.

— Откуда ты знаешь?

— По свету.

Он посмотрел на стены. На них были метки — горизонтальные линии, прорезанные в дереве. От пола до потолка. Он насчитал сорок четыре.

— Это уровень, — сказал он. — Вода поднимается по меткам.

— И что будет, когда дойдёт до сорок четвёртой?

— Не знаю.

Динамик на стене ожил.

— Второй круг называется «Терпение», — сказала Лидия.

— Он простой. Вам нужно подождать.

— Сколько?

— Сорок четыре.

Вода у их ног начала подниматься.

10. Второй круг. Вода

Она поднималась медленно.

Сначала вода коснулась подошв. Потом — щиколоток. Она была холодной, как из колодца, но не ледяной. Пахла торфом и железом.

— Снимай рюкзак, — сказал Вешняков.

— Зачем?

— Он потянет на дно.

Анна сняла рюкзак. Внутри были документы, телефон, зарядка, смена белья. Она посмотрела на него.

— Жалко.

— Оставь у стены. Если выйдем — заберём.

Она поставила рюкзак на выступ в стене. Вешняков сделал то же со своим.

Лампа осталась у него в руке. Он поднял её над головой.

— Пошли.

Они вошли в воду. Она дошла до колен, потом до бёдер. Дно было неровное — скользкое, с ямами. Анна шла за ним, держась за стену.

— Считай метки, — сказал он.

— Ты сказал не считать.

— Считай про себя.

— А ты?

— Я считаю вслух.

Она посмотрела на него.

— Почему?

— Потому что она хочет слышать. — Он поднял лампу выше. — Пусть слушает.

Вода дошла до пояса.

— Одиннадцать, — сказал Вешняков. — Двенадцать.

Коридор был прямой. В конце виднелась дверь — тёмное пятно в свете лампы. До неё было метров двадцать.

— Тринадцать. Четырнадцать.

Анна дышала часто.

— Пятнадцать, — сказал Вешняков. — Анна. Посмотри на меня.

Она посмотрела.

— Дыши со мной. Вдох. Выдох.

— Я дышу.

— Медленнее.

Вода дошла до груди. Она была холодной, и от неё ломило рёбра.

— Шестнадцать. Семнадцать.

— Даниил.

— Что?

— Я боюсь.

Он остановился.

— Я знаю.

— Нет. — Она посмотрела на воду. — Я боюсь не воды.

— А чего?

— Того, что мы найдём его не таким.

Вода плескалась у её подбородка. Она подняла голову.

— Одиннадцать лет, — сказала она. — Он мог стать кем угодно.

— Он твой брат.

— Он был моим братом. — Она закрыла глаза. — А теперь он — замок.

Вешняков подошёл к ней. Вода была между ними, чёрная, холодная.

— Кем бы он ни стал, — сказал он, — он оставил тебе записку.

— И что?

— Это значит, что он всё ещё он.

Она открыла глаза.

— Спасибо.

— Не благодари. — Он посмотрел на дверь. — Мы ещё не вышли.

Они пошли дальше. Вода дошла до ключиц. Лампа была почти у потолка; стекло запотело.

— Тридцать один, — сказал Вешняков. — Тридцать два. Дверь была близко. Но вода остановилась.

Она стояла на уровне сорок второй метки и не поднималась.

— Почему? — спросила Анна.

Вешняков посмотрел на дверь. Потом на метки. Потом на потолок.

— Потому что дверь открывается не сразу, — сказал он.

— А когда?

— Когда вода дойдёт до сорок четвёртой.

— А потом?

— Потом она пойдёт дальше. — Он посмотрел на потолок. — Нам придётся нырнуть.

Анна молчала.

— Сколько ждать?

— Две метки. — Он посмотрел на стену. — Минуты две.

Вода стояла. Она была неподвижной, как стекло. В ней отражалась лампа — маленькое солнце.

— Расскажи что-нибудь, — сказала Анна.

— Что?

— Что угодно. — Она смотрела на метки. — Я не хочу считать.

Он подумал.

— В детстве я боялся темноты.

— Ты?

— Я. — Он переложил лампу в другую руку. — У нас в доме была печка. Я лежал и смотрел, как в ней гаснет огонь. И думал: когда погаснет, кто-то придёт.

— Приходил?

— Нет. — Он усмехнулся. — Но я всё равно смотрел.

Вода коснулась подбородка. Анна подняла голову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.